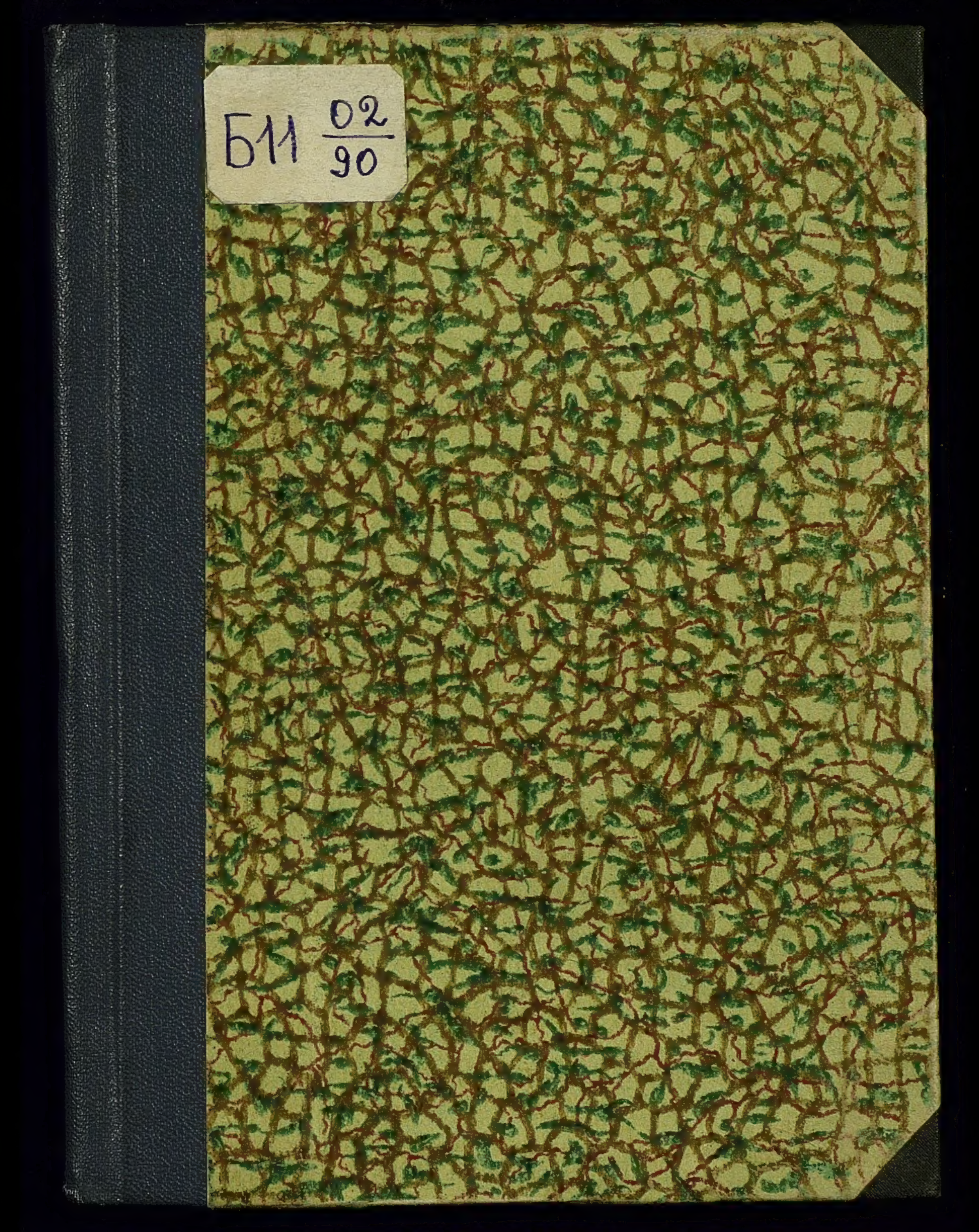
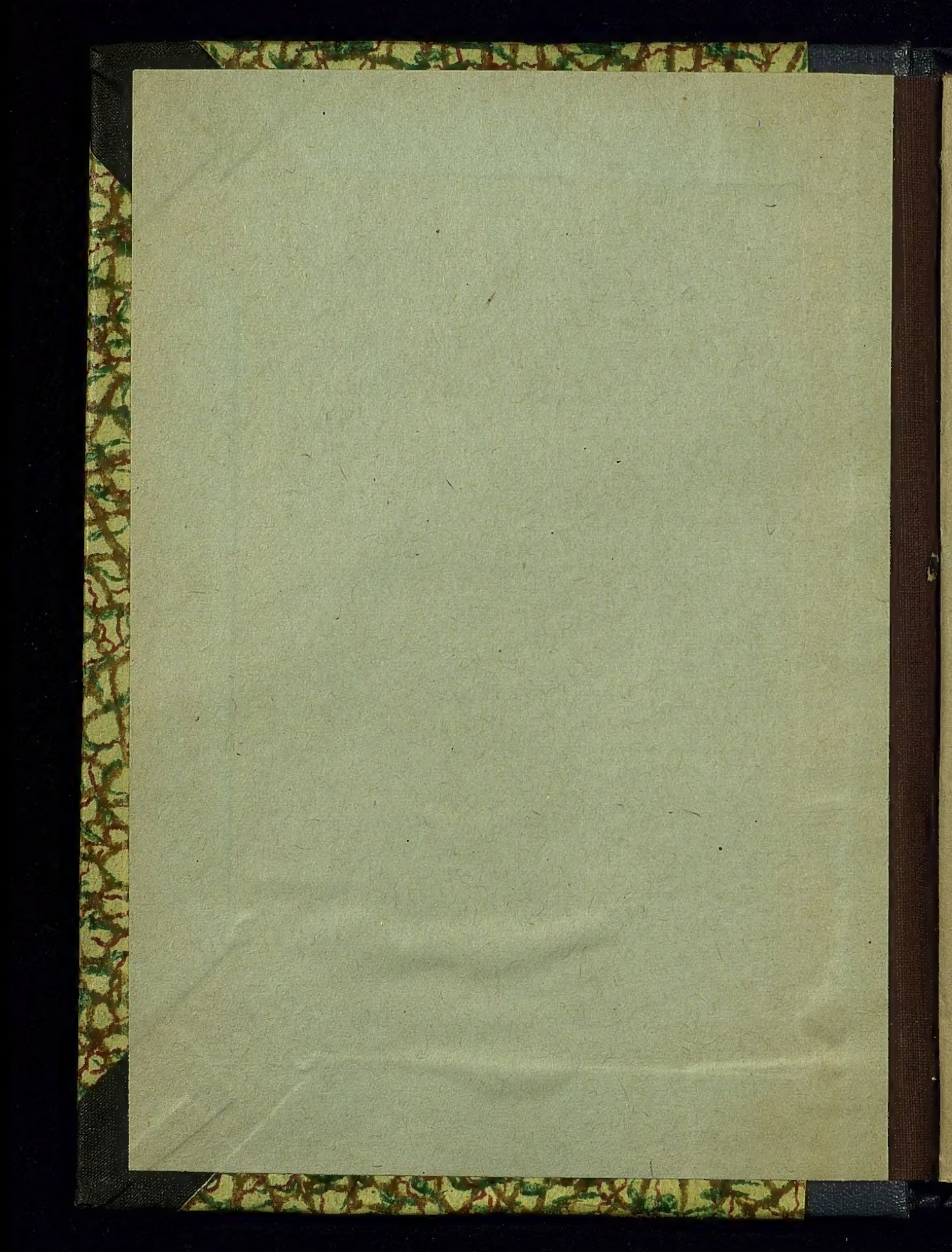
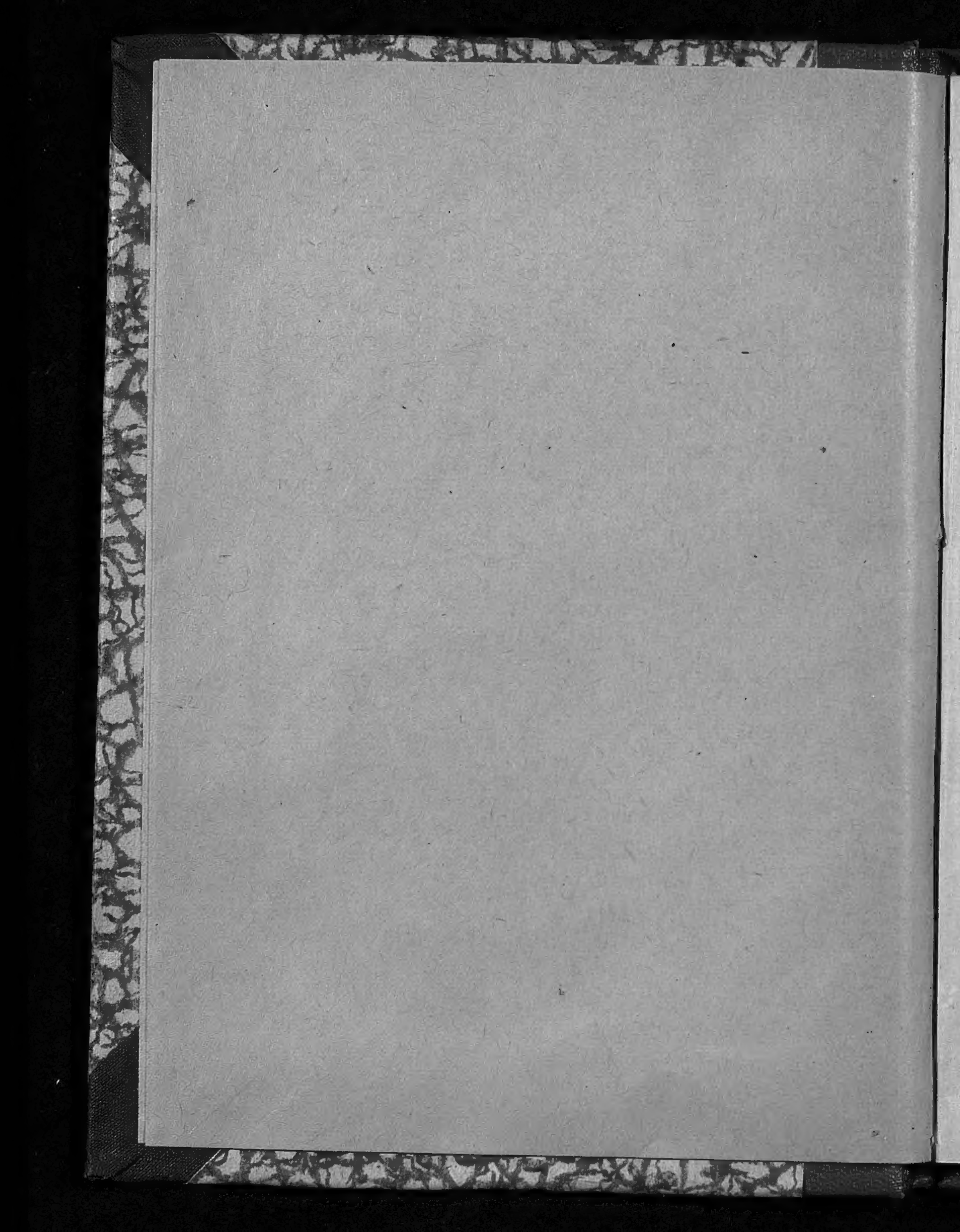

Б11 02/90

ОЧЕРКЪ

жизни и дѣятельности славянскихъ первоучителей,

КИРИЛЛА и МЕѲОДІЯ.

14-е февраля 1869 года, день тысячелѣтней годовщины св. Кирилла-Философа, празднуется не одною только Москвою—это день, празднуемый всею образованною Россіею и всѣми славянскими народами. Едва ли найдется имя болѣе популярное и извѣстное всѣмъ имъ, чѣмъ имя Кирилла и Меѳодія... Мы вспоминаемъ о нихъ, какъ о первоучителяхъ всѣхъ Славянъ, какъ о изобрѣтателяхъ той самой азбуки, которою мы съ нѣкоторыми измѣненіями пользуемся до настоящаго времени. Болгаринъ вспоминаетъ о крещеніи ими своего перваго христіанскаго князя, Бориса. Хорватъ разсказываетъ о святомъ мужѣ, Констанцѣ-Философѣ, т.-е. св. Кириллѣ, который проходилъ черезъ его страну и просвѣтилъ ее свѣтомъ христіанства. Чехъ называетъ своего перваго историческаго князя, Боривоя, и жену его, св. Людмилу, и прибавляетъ, что ихъ крестилъ Меѳодій. Мораванинъ могъ бы указать на развалины Велеграда, когда-то многолюдной и богатой столицы Велико-Моравскаго государства, и передать повѣсть о той счастливой эпохѣ своей исторической жизни, когда здѣсь пребывали Кириллъ и Меѳодій. Словакъ въ народныхъ пѣсняхъ своихъ воспѣваетъ «милую» Нитру, «святое мѣсто Меѳодія». Наконецъ, польская церковь до сихъ поръ обращается

съ молитвеннымъ воззванiемъ къ Кириллу и Меѳодiю, «своимъ покровителямъ и просвѣтителямъ Польской земли» [1].... Однимъ словомъ, нѣтъ такого славянскаго народа, который прямо или косвенно не держалъ бы въ своей памяти тѣхъ двухъ святыхъ братьевъ, которыхъ поистинѣ называютъ славянскими первоучителями или апостолами славянскихъ народовъ. Такая всеобщая память налагаетъ и на насъ обязанность поближе познакомиться съ дѣятельностью Кирилла и Меѳодiя. Въ день, посвященный торжественному воспоминанiю объ одномъ изъ нихъ, мы сочли самымъ удобнымъ представить историческiй очеркъ, имѣющiй цѣлью объяснить смыслъ и значенiе той роли, которую играли Кириллъ и Меѳодiй среди славянскихъ народовъ, и той эпохи, во время которой имъ суждено было дѣйствовать. Перiодъ, извѣстный подъ именемъ *Великаго переселенiя народовъ*, въ учебникахъ исторiи ограничивается обыкновенно незначительнымъ пространствомъ времени. Это не совсѣмъ вѣрно и зависитъ отъ того, что принимаютъ во вниманiе одно только германское племя, оставляя въ сторонѣ славянское. Движенiе Германцевъ на развалины Римской имперiи не осталось безъ влiянiя и на многочисленные славянскiе народы, которые устремились вслѣдъ за своими сосѣдями по направленiю къ Эльбѣ, Дунаю и Адрiатическому морю. Это движенiе въ славянскомъ мiрѣ кончилось только въ VII столѣтiи, когда Сербы и Хорваты переселились изъ-за Карпатскихъ горъ на Балканскiй полуостровъ и овладѣли его сѣверозападною половиною. Ими закончилось, наконецъ, это все-

общее извѣстное движенiе всѣхъ народовъ Европы съ сѣвера и востока на западъ и югъ, которымъ начинается исторiя среднихъ вѣковъ. Съ конца VIII столѣтiя мы видимъ уже движенiе совершенно противоположное, движенiе съ запада на востокъ, не обхватывавшее такихъ обширныхъ пространствъ, не сопровождавшееся такими страшными переворотами, какъ великое переселенiе народовъ, но тѣмъ не менѣе весьма важное для исторiи. Это было движенiе германскаго племени, которое начало тѣснить славянское. Положенiе Германцевъ сравнительно съ Славянами было чрезвычайно выгодное. Въ своемъ развитiи они предупредили послѣднихъ на нѣсколько вѣковъ: въ то время, когда славянскiе народы еще бродили по обширному востоку Европы и не находили постояннаго мѣста жительства, въ то самое время многiя германскiя племена успѣли уже давно поселиться въ предѣлахъ Римской имперiи и образовать благоустроенныя государства. Не нужно упускать также изъ виду, что Германцы завоевали себѣ богатыя и образованныя страны южной Европы, покрытыя съ незапамятнаго времени цвѣтущими городами съ многочисленнымъ населенiемъ, тогда какъ Славянамъ приходилось селиться по большей части въ мѣстностяхъ дикихъ и пустынныхъ. Еще въ VI вѣкѣ одинъ изъ западныхъ писателей (Iорнандъ) говоритъ намъ о Славянахъ, что ихъ крѣпости это лѣса и болота—не было даже городовъ, слѣдовательно степень развитiя была самая низкая. Борьба такимъ образомъ была самая неравная, когда на престолъ Франкскаго королевства вступилъ одинъ

изъ величайшихъ государей среднихъ вѣковъ, *Карлъ Великій*. Ему удалось послѣ долгихъ и упорныхъ трудовъ соединить подъ своею властью почти всѣ германскіе народы въ одно цѣлое, и, возстановивъ при помощи папъ Западную Римскую Имперію, онъ сталъ во главѣ всего европейскаго запада и возобновилъ въ памяти народовъ забытыя на время преданія о господствѣ Рима надъ всѣмъ міромъ. Именно съ Карла Великаго и начинается это наступленіе германскаго племени на славянское. Славяне, не составившіе даже къ тому времени крѣпкихъ государствъ, раздробленные и разъединенные подъ властью мелкихъ князьковъ, враждовавшихъ другъ съ другомъ, не могли сопротивляться съ успѣхомъ Карлу Великому и одинъ за другимъ подчинялись его оружію, признавая себя данниками германскаго государя. Раздробленіе Франкской монархіи при преемникахъ Карла Великаго только отсрочивало, но никакъ не освобождало Славянъ отъ грозившей имъ опасности—потерять свою свободу, а вмѣстѣ съ нею и свою народность. Но исторія указываетъ намъ, что внѣшняя опасность, опасеніе подвергнуться игу сильныхъ чужеземцевъ, заставляющее всѣхъ соединиться противъ общаго врага и забыть свои домашнія ссоры и разсчеты, есть во многихъ случаяхъ причина появленія новаго государства. Такъ было и въ настоящемъ случаѣ. Славяне начали, наконецъ, мало-по-малу приходить къ сознанію, что источникъ ихъ бѣдствій и пораженій заключался въ ихъ разрозненности. Стало подниматься ихъ народное чувство. Высокомѣріе и жестокость побѣдителей довер-

«Франки, говоритъ намъ одинъ изъ византійскихъ писателей (Константинъ Багрянородный), бросали дѣтей Хорватовъ на съѣденіе псамъ». Какъ ни преувеличено, можетъ-быть, это свидѣтельство, но оно имѣетъ свои основанія и объясняетъ намъ, почему первые изъ покоренныхъ славянскихъ племенъ возстали Хорваты подъ начальствомъ своего геройскаго князя Людевита. Хорватское возстаніе, впрочемъ, не имѣло особаго успѣха, такъ какъ оно не было поддержано соплеменниками; но за то почти единовременно съ этимъ возстаніемъ, въ самой срединѣ западныхъ Славянъ, появилось сильное славянское государство, которому суждено было надолго остановить завоевательное движеніе германскаго племени и играть блестящую, хотя и не долговременную, роль въ исторіи славянскаго міра. Это государство было *Велико-Моравское*. Давно уже Моравине съ большимъ неудовольствіемъ переносили германское иго: уже первый князь ихъ, которому въ виду общей опасности удалось соединить ихъ всѣхъ подъ своею верховною властью, Моймиръ, пытался освободиться отъ тяжелой зависимости, но его попытка не удалась. За то ему наслѣдовалъ его племянникъ *Ростиславъ*, безъ сомнѣнія умнѣйшій и способнѣйшій изъ славянскихъ князей IX вѣка. Онъ сумѣлъ высоко поднять народное чувство своихъ подданныхъ и съ помощью этого воодушевленія доставилъ Моравіи полную свободу отъ чужеземнаго ига, водворилъ въ ней народную вѣру и сдѣлался душою цѣлаго союза славянскихъ племенъ. Нужно было много энергіи, неусыпнаго труда и

способностей, чтобы достичь подобныхъ результатовъ. И дѣйствительно, если мы раскроемъ латинскія лѣтописи того времени, то съ перваго же раза увидимъ, что, начиная съ 848 года, въ продолженіе всего IX столѣтія, почти ежегодно встрѣчаются извѣстія о походахъ нѣмецкихъ войскъ на Моравію. Борьба была самая ожесточенная и упорная, но народное одушевленіе Морававъ, отстаивавшихъ свое свободное существованіе, одержало, наконецъ, полную побѣду, и Германское королевство должно было признать ихъ независимость. Появленіе сильнаго славянскаго самостоятельнаго государства произвело громадное впечатлѣніе и на остальныя славянскія племена. Бодричи или Ободриты, Вильцы, Лютичи, лужицкіе Сербы и другія многочисленныя племена, расположившіяся по Эльбѣ и извѣстныя подъ именемъ полабскихъ Славянъ, послѣдовали примѣру своихъ счастливыхъ соотечественниковъ и съ оружіемъ въ рукахъ начали отчаянную борьбу съ своими притѣснителями, опираясь на помощь Ростислава. Кругъ вліянія Моравіи не ограничился даже одними славянскими народами; мы встрѣчаемся съ явленіемъ, которое до того времени было совершенно немыслимо. Какъ прежде германскіе короли пользовались междоусобіями славянскихъ князьковъ, чтобы вмѣшиваться во внутреннія дѣла Славянъ и подчинять ихъ своему вліянію, такъ теперь, наоборотъ, князь Моравіи, Ростиславъ, вмѣшивается во внутреннія смуты самой Германіи и принимаетъ подъ свое покровительство Карломанна и Людовика, сыновей Людовика нѣмецкаго, возставшихъ противъ своего отца.

Роли, какъ видимъ, значительно перемѣнились, и причиною этого было появленіе сильнаго славянскаго государства....

Если Славяне, такимъ образомъ, находились на пути къ пріобрѣтенію полной самостоятельности, то имъ однакоже многаго еще не доставало для поддержанія своей народности. Говоря о перевѣсѣ германскаго племени надъ славянскимъ въ описываемое время, мы не упомянули еще объ одномъ чрезвычайно важномъ вспомогательномъ орудіи, которое было въ рукахъ у перваго, именно о *христіанствѣ*. Преобладаніе одного народа надъ другимъ очень часто зависитъ не отъ одной только физической силы, отъ побѣдъ на полѣ битвы: гораздо сильнѣе бываетъ *нравственное* и *умственное* вліяніе. Славяне пришли въ занимаемыя ими страны еще язычниками, тогда какъ сосѣдніе народы давно уже приняли христіанство. Глубокое превосходство христіанской религіи надъ народнымъ язычествомъ Славянъ, рано или поздно, должно было оказать свое вліяніе. Дѣйствительно, христіанскіе проповѣдники очень рано появились у Славянъ и многихъ изъ нихъ просвѣтили свѣтомъ крещенія, но успѣхи этой проповѣди были все-таки незначительны и ограничивались однѣми окраинами. Христіанство приходило къ Славянамъ съ двухъ сторонъ, на западѣ отъ латинскихъ миссіонеровъ, на югѣ отъ греческихъ проповѣдниковъ. На западѣ латинское духовенство не только не сумѣло привлечь къ себѣ Славянъ, но даже, напротивъ, оттолкнуло отъ себя и внушило глубокую ненависть. Причины этого, страннаго на пер-

вый разъ, явленія чрезвычайно многообразны, но главная заключается въ томъ, что христіанство шло здѣсь къ Славянамъ отъ *глубоко враждебнаго имъ народа.* Въ тѣ варварскія времена не считалось предосудительнымъ огнемъ и мечомъ навязывать нравственныя истины христіанства: христіанская проповѣдь почиталась не цѣлью, а средствомъ, чтобы держать въ покорности извѣстный народъ. Религіознаго одушевленія, которое такъ отличаетъ первые вѣка христіанства, въ то время не было: латинскіе проповѣдники являлись между Славянами, окруженные сильными отрядами воиновъ, являлись или по приказанію германскихъ королей, которые понимали, какъ важно было принятіе христіанства народами, ими покоренными, или посланные епископами, усердно хлопотавшими о расширеніи своихъ епархій. Побѣжденные, волею-неволею, обыкновенно противъ своего убѣжденія, должны были принимать религію своего побѣдителя; вслѣдъ за тѣмъ являлись латинскіе священники, которые нисколько не заботились о духовномъ просвѣщеніи своей новой паствы, но прежде всего устанавливали платежъ *десятины,* т.-е. $^1/_{10}$ части всѣхъ доходовъ прихожанъ въ пользу духовенства. Эти поборы возбуждали постоянно большое неудовольствіе. Одинъ изъ образованнѣйшихъ людей того времени, другъ Карла Великаго, Алкуинъ, писалъ епископу зальцбургскому, когда тотъ, по приказанію императора, отправился съ проповѣдью къ Славянамъ: «Будь проповѣдникомъ истины и благочестія, а не сборщикомъ податей: десятины разрушили вѣру Саксовъ....

Зачѣмъ налагать тяжкое ярмо на плечи только что обращенныхъ, когда мы сами съ трудомъ переносимъ его»? [2]) Такихъ людей, какъ Алкуинъ, было немного въ то время, и десятины собирались попрежнему. Еще болѣе важности имѣло то обстоятельство, что проповѣдь шла исключительно на *латинскомъ* языкѣ, языкѣ чуждомъ и непонятномъ для Славянъ, между тѣмъ какъ употребленіе этого языка при богослуженіи было непреложнымъ закономъ западной церкви. Новокрещенный Славянинъ не имѣлъ средствъ познакомиться съ тою религіею, которую онъ принялъ: онъ долженъ былъ довольствоваться скудными свѣдѣніями, которыя онъ получалъ отъ своего священника, долженъ былъ повторять за нимъ латинскую молитву, смысла которой онъ не понималъ. Затрудненіе увеличивалось еще болѣе отъ того, что побѣдители вовсе не заботились о томъ, чтобы появилось туземное, славянское духовенство; даже, напротивъ, изъ политическихъ соображеній, чтобы удержать паству въ повиновеніи и подчинить ее германскимъ владыкамъ, всячески избѣгали посвященія въ духовный санъ туземцевъ. Понятно послѣ этого, что христіанство, появляясь къ Славянамъ въ такой формѣ, могло возбудить въ нихъ только глубокую ненависть къ себѣ. Они смотрѣли на него, какъ на символъ рабства, и пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы сбросить это иго: рядъ сожженныхъ монастырей и епископскихъ резиденцій, изгнанные священники, замученные монахи, на которыхъ съ особеннымъ ожесточеніемъ нападалъ народъ—вотъ необходимые спут-

ники и послѣдствія всѣхъ многочисленныхъ славянскихъ возстаній... Съ другой стороны, какъ мало заботилось само духовенство о тѣхъ изъ Славянъ, которые были поселены на его собственныхъ земляхъ, видно изъ того въ высшей степени замѣчательнаго факта, что еще въ XI вѣкѣ, когда христіанство крѣпко утвердилось во всѣхъ сосѣднихъ странахъ, духовенство одной Баварской мѣстности (Бамберга) жаловалось, что его славянская паства предана язычеству, и что еще въ XII столѣтіи въ той же мѣстности былъ учрежденъ монастырь для истребленія *идолопоклонства* окрестныхъ жителей! [3]) Такъ шло дѣло проповѣди на западѣ; не много болѣе успѣха было и на югѣ. Если тамъ было менѣе военнаго насилія, если тамъ не было столь тягостной десятины, то одно изъ главныхъ препятствій къ успѣшному распространенію христіанства оставалось въ полной силѣ: для Славянина греческій языкъ не былъ понятнѣе латинскаго. Но за то въ греческой церкви никогда не было того убѣжденія, которое такъ коренилось въ римской, что всякая проповѣдь на новомъ языкѣ есть ересь. Покуда не находилось только человѣка, который бы принялъ на себя нелегкій трудъ перевода богослужебныхъ книгъ на славянскій языкъ: такой человѣкъ скоро явился—и Греціи обязанъ весь славянскій міръ своимъ просвѣщеніемъ....

Мы видѣли, что въ Моравіи впервые заговорило славянское народное чувство. Ростиславъ, отстоявши свою политическую независимость, невольно долженъ былъ придти къ мысли, что *народная славянская*

вѣра, т.-е. христіанство, проповѣдуемое на *родномъ* языкѣ и туземнымъ, славянскимъ духовенствомъ, была бы лучшимъ средствомъ для утвержденія независимости отъ Германіи и въ духовномъ отношеніи. На эту мысль невольно должно было навести его самое поведеніе латинскаго духовенства во время борьбы Моравіи съ своими притѣснителями. Поставленное между двухъ огней, чужеземное духовенство, конечно, не могло долго колебаться въ выборѣ, должно было естественно благопріятствовать своимъ соотечественникамъ и слѣдовательно стать во враждебныя отношенія къ своей собственной паствѣ. Въ послѣдствіи Мораване дѣйствительно жаловались, что во время борьбы за независимость ихъ духовенство «не благопріятствовало имъ, но всячески ковъ ковало на нихъ», какъ они выражались. У другихъ Славянъ дѣло бы окончилось очень просто: они изгнали бы ненавистное священство, смыли бы крещеніе, какъ это дѣлали позднѣе Литовцы и Пруссы, и снова обратились бы къ своему дикому язычеству... Но Мораване стояли выше своихъ соплеменниковъ; они уже составили государство, достигли извѣстной степени образованія и настолько уже успѣли укрѣпиться въ христіанствѣ, что не могли отказаться отъ него изъ-за одной только ненависти къ латинскимъ священникамъ. Имъ оставалось такимъ образомъ одно только средство: обратиться къ кому-нибудь съ просьбою выслать новыхъ проповѣдниковъ, знающихъ славянскій языкъ. Въ то время въ Европѣ было только два центра христіанства, Римъ и Византія. Моравія находилась въ области

владѣній римскаго папы и потому обратилась сперва къ нему. Но Римъ не любилъ проявленій народной самостоятельности, онъ стремился къ неограниченному господству и былъ убѣжденъ, что всеобщее употребленіе латинскаго языка всего болѣе соотвѣтствовало этой цѣли: на просьбу Морававъ онъ отвѣчалъ молчаніемъ. Въ послѣдствіи римскій папа отговаривался тѣмъ, что онъ «не успѣлъ» удовлетворить этой просьбѣ [4])... Во всякомъ случаѣ Моравамамъ оставалось въ то время обратиться только къ Константинополю, и это они сдѣлали съ тѣмъ бо́льшимъ удовольствіемъ, что и до нихъ стали доходить слухи о той ревностной миссіонерской дѣятельности, которою заявила себя Византія при своемъ талантливомъ патріархѣ Фотіи. Въ концѣ 861 года—по всѣмъ соображеніямъ—явилось въ Византію посольство отъ Ростислава. «Народъ нашъ отказался отъ язычества и принялъ христіанство, но не имѣетъ учителя, который бы могъ объяснить ему истинную вѣру христіанскую на родномъ языкѣ. Пошли намъ, владыка, епископа и учителя такого, ибо отъ васъ исходитъ добрый законъ во всѣ страны»—съ такою рѣчью обратились моравскіе послы къ византійскому императору. Счастье благопріятствовало Моравамамъ: въ Византіи жили въ то время два человѣка, какъ бы нарочно созданные для такой миссіи: это были *Кириллъ* и *Меѳодій*.

Константинъ, болѣе извѣстный подъ монашескимъ именемъ Кирилла, и Меѳодій вели свое происхожденіе отъ знатнаго греческаго рода, который прежде жилъ при Цареградскомъ дворѣ, но затѣмъ, обни-

бѣжавши, переселился въ г. Солунь, лежащій на берегу Архипелага, въ южной Македоніи, въ той самой мѣстности, которая нѣкогда была предметомъ ожесточенной борьбы между Спартанцами и Аѳинянами во время Пелопонезской войны [5]). Въ описываемую нами эпоху эта мѣстность была кругомъ заселена славянскими племенами изъ болгарскаго поколѣнія. Это-то и было причиною, почему Кириллъ и Меѳодій съ дѣтства могли изучить языкъ и бытъ того народа, въ которомъ имъ пришлось проповѣдывать. Обычное сопоставленіе именъ нашихъ первоучителей можетъ повести къ заблужденію, что Кириллъ былъ старше Меѳодія. Кириллъ былъ младшій братъ, но самая постановка его имени на первомъ мѣстѣ не случайна: онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ личностей, которыя производятъ невольное обаяніе на всѣхъ окружающихъ, подчиняютъ своему нравственному вліянію и друга, и недруга. Старшій братъ самъ сознавалъ превосходство младшаго и «служилъ ему какъ рабъ», по выраженію его Житія. Съ самаго ранняго дѣтства Кириллъ былъ любимцемъ и надеждою своего семейства. «Не заботься о немъ», говорилъ его отецъ на смертномъ одрѣ плачущей матери, «надѣюся Бозѣ, яко дати ему имать отца и строителя такого, иже строитъ вся христіаны». Надежды отца на сына сбылись. Съ самаго дѣтства Кириллъ отличался отъ всѣхъ своихъ сверстниковъ живымъ, воспріимчивымъ характеромъ и вмѣстѣ съ тѣмъ особенною любовью къ размышленію, къ самоуглубленію. Простой и обыкновенный

случай—пропажа ястреба на охотѣ—случай, который прошелъ бы для большинства дѣтей совершенно незамѣченнымъ, на впечатлительную натуру Кирилла оказалъ большое вліяніе: онъ навелъ его на мысль о тлѣнности всего земнаго, о необходимости чего-то лучшаго, высшаго. Онъ бросилъ всѣ свѣтскія забавы и предался религіознымъ размышленіямъ. Кириллъ не остановился на однихъ только безплодныхъ размышленіяхъ—его съ дѣтства охватила страсть къ знанію, къ наукѣ. Положеніе тогдашней Византіи способствовало этому стремленію: въ то время, когда на западѣ науки гибли подъ вліяніемъ всеобщаго варварства, на востокѣ онѣ сохранили все свое значеніе, хотя и приняли характеръ подчиненный и служебный богословію. Подъ этимъ всеобщимъ влеченіемъ эпохи и сложился характеръ Кирилла и получили особое направленіе его научныя стремленія. То неустанное рвеніе, то усердіе, съ которымъ Кириллъ предался своимъ новымъ занятіямъ, заслуживаетъ нашего полнаго вниманія и подражанія. Преданіе говоритъ, что Кириллъ, семилѣтній ребенокъ, видѣлъ сонъ: его окружило множество прекрасныхъ дѣвицъ (символическое изображеніе наукъ); ему предложили выбрать себѣ подругу: онъ выбралъ себѣ въ подруги Софію, т. е. премудрость. Этотъ вѣщій сонъ есть аллегорическое изображеніе всей жизни Кирилла: съ этою подругою, выбранною еще въ дѣтствѣ, онъ не разставался цѣлую жизнь. Въ тѣ же дѣтскіе годы началъ онъ изучать сочиненія Григорія Богослова и сочинилъ ему похвалу, въ которой прямо высказалъ свое

самое задушевное желаніе: «будь мнѣ просвѣтителемъ и учителемъ». Такова была мольба, съ которою обращался мальчикъ къ прославленному святому и ученому....

Кирилла не могло удовлетворить то, что̀ было у него подъ руками: ему хотѣлось пойти дальше, превзойти всю «глубину» византійской учености — и долго не могъ онъ найти себѣ руководителя. Проѣзжалъ тогда случайно черезъ Солунь одинъ извѣстный ученый, и къ нему обратился было юноша, предлагая все, что̀ имѣлъ, за науку. Но старикъ, разочарованный въ жизни и ученикахъ, не внялъ мольбамъ и слезамъ Кирилла и наотрѣзъ отказался подѣлиться съ нимъ своими знаніями... Судьба готовила однако утѣшеніе для юноши, жаждавшаго науки: правитель государства, логоѳетъ Ѳеофилъ, вызвалъ его, вѣроятно вмѣстѣ съ другими знатными юношами, для совмѣстнаго обученія съ молодымъ императоромъ Михаиломъ. Здѣсь лучшіе учителя Византіи и вся ея ученость были къ услугамъ Кирилла. Его успѣхи были громадные и приводили въ изумленіе всѣхъ учителей. Въ три мѣсяца изучилъ онъ грамматику; также быстро научился онъ чтенію и объясненію Гомера — одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ византійской школы; геометрію изучилъ онъ у Льва, а діалектику, философію, риторику, астрономію и музыку у знаменитаго учителя Фотія, въ послѣдствіи еще болѣе знаменитаго патріарха, который привязался къ способному ученику своему узами самой нѣжной дружбы. Кириллъ очень скоро сдѣлался предметомъ гордости Византіи и всѣхъ совре-

менниковъ. Но напрасно соблазняли его мірскими выгодами и почестями, напрасно предлагалъ ему его покровитель, логоѳетъ, выгодный бракъ: смиренный Кириллъ остался вѣренъ избранному съ дѣтства поприщу. Едва могли убѣдить его принять священническій санъ и взять на себя мѣсто библіотекаря св. Софіи, главнаго соборнаго храма Греціи, и каѳедру философіи въ главной школѣ Константинополя. Благодаря своимъ научнымъ занятіямъ, Кириллъ отъ своихъ соотечественниковъ получилъ прозваніе «Философа», которое осталось за нимъ и до настоящаго времени... И не одни только соотечественники относились съ чувствомъ глубокаго уваженія, почти благоговѣнія къ Кириллу: это чувство раздѣляли всѣ его современники, съ которыми ему приходилось сталкиваться. Его современникъ, ученый Римлянинъ, Анастасій Библіотекарь, вообще не особенно жаловавшій Грековъ, не скрываетъ своего чувства уваженія и благоговѣйнаго удивленія къ Кириллу. Онъ разсказываетъ намъ о его необычайной памяти (Кириллъ зналъ наизусть всѣ сочиненія Діонисія Ареопагита), указываетъ на этого мужа «величайшей святости», какъ на примѣръ достойный подражанія, въ письмѣ своемъ къ императору Карлу Толстому и прибавляетъ, намекая на прозвище Кирилла: «это былъ поистинѣ философъ, названный такъ за тотъ удивительный и геніальный умъ, которымъ они блисталъ съ самаго ранняго дѣтства». Искусство діалектики, побѣждать въ состязаніяхъ за христіанскія истины, особенно далось Кириллу. Четырнадцати лѣтъ отъ роду выступилъ онъ впервые

на состязаніе съ низверженнымъ патріархомъ Анніемъ (Іоанномъ), приверженцемъ иконоборцевъ, и побѣдилъ его. Уже изъ этого мы можемъ заключить, какъ велико было довѣріе Византіи къ способностямъ Кирилла. Мы знаемъ, что въ послѣдствіи ему многократно приходилось побѣдоносно вступать въ состязаніе съ магометанами, Хозарами и латинскимъ духовенствомъ, и что въ Римѣ къ нему приходили Іудеи и убѣждались его доказательствами.

Что касается до брата его, Меѳодія, то его молодость извѣстна намъ гораздо менѣе: причина та, что онъ, до самой смерти Кирилла, какъ бы затмѣвался своимъ младшимъ братомъ, къ которому самъ чувствовалъ искреннюю любовь и уваженіе. Въ молодости онъ занималъ довольно важную свѣтскую должность: онъ былъ намѣстникомъ императора среди Славянъ; но въ послѣдствіи и его увлекъ примѣръ брата. Онъ также отказался отъ міра и удалился въ монастырь, сперва на гору Олимпъ, потомъ въ Малоазіатскій Полихронъ, гдѣ вскорѣ былъ выбранъ въ игумены. Среди монастырскаго уединенія ученыя занятія составляли его развлеченіе.

Въ то время, когда совершилась эта перемѣна въ Меѳодіи, его братъ уже успѣлъ оказать услугу своему отечеству. Около 851 г. было воздвигнуто гоненіе на христіанъ однимъ изъ магометанскихъ эмировъ Малой Азіи. Византійское правительство отправило туда Кирилла на богословское состязаніе съ Сарацынами, какъ наиболѣе способнаго на такое дѣло. Неустрашимо исполнивши это порученіе, подвергаясь даже опасности жизни, такъ какъ магоме-

тане пытались отравить его, и показавъ весь свой діалектическій талантъ, Кириллъ возвратился въ Византію. Черезъ десять лѣтъ, въ 861 году [6]), ему пришлось предпринять другое путешествіе съ подобною же цѣлью, для состязанія съ Евреями, къ отдаленнымъ Хозарамъ, жившимъ на берегахъ Каспійскаго и Азовскаго морей. На этотъ разъ его сопровождалъ уже братъ его, Меѳодій, который съ этого времени оставался его неразлучнымъ спутникомъ. На пути своемъ въ Хозарію св. братья остановились въ греческой колоніи на Крымскомъ полуостровѣ, Херсони, и тутъ Кириллу удалось обрѣсти мощи св. Климента, папы римскаго, сосланнаго и замученнаго здѣсь еще въ первые вѣка христіанства. Эти мощи сопровождали постоянно нашихъ первоучителей и сдѣлали имя Климента особенно популярнымъ между Славянами: это имя носилъ и одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ ихъ учениковъ, особенно потрудившійся для Болгаръ. Мы не будемъ слѣдить за хозарскимъ путешествіемъ Кирилла и Меѳодія, на которомъ имъ также пришлось подвергнуться немалымъ опасностямъ; достаточно упомянуть, что проповѣдь Кирилла у Хозаръ имѣла слѣдствіемъ крещеніе нѣсколькихъ сотъ человѣкъ. Онъ возвратился въ Византію съ письмомъ отъ самого кагана хозарскаго, въ которомъ тотъ благодарилъ императора за присылку такого ученаго мужа. Дальнѣйшихъ послѣдствій проповѣдь Кирилла не могла имѣть, потому что среди Хозаръ жили постоянно еврейскіе проповѣдники и ихъ ученіе скоро взяло перевѣсъ надъ христіанствомъ. Немедленно по возвращеніи, св. братья

снова обратились къ своимъ обычнымъ занятіямъ: Меѳодій, отказавшись отъ предложеннаго ему архіепископскаго мѣста, удалился въ свой монастырь, а Кириллъ заперся въ своей кельѣ и «живяше безъ мълвы»... Но не тихую, мирную жизнь среди научныхъ занятій суждено было вести Кириллу и Меѳодію, а многотрудную, многострадальную и бурную дѣятельность среди вѣроисповѣдныхъ столкновеній— ту самую славную дѣятельность, которая доставила имъ почетное имя «славянскихъ первоучителей»...

Едва окончилось хозарское посольство св. братьевъ, какъ въ началѣ 862 года явилось въ Цареградѣ извѣстное уже намъ посольство Ростислава, и начался «трудъ неменьшій двухъ первыхъ», т.-е. арабскаго и хозарскаго путешествія—по прекрасному выраженію Паннонскаго Житія, лучшаго источника нашихъ свѣдѣній о св. братьяхъ,—трудъ, который увѣковѣчилъ имена Кирилла и Меѳодія.

Мы видѣли уже, при какихъ обстоятельствахъ и съ какими требованіями явилось моравское посольство. Императоръ византійскій изъявилъ полную готовность удовлетворить его просьбамъ и тотчасъ же обратился къ Кириллу. «Знаю, философъ, сказалъ онъ ему, что ты боленъ и занятъ, но надо тебѣ отправиться туда: этого дѣла никто не можетъ исполнить, кромѣ тебя». Всегда готовый на христіанскіе подвиги, на этотъ разъ Кириллъ весьма неохотно согласился на требованіе своего государя: главная причина его колебанія, какъ увидимъ ниже, заключалась въ нежеланіи вмѣшаться въ распри двухъ церквей, восточной и западной, которая началась имен-

но около этого времени. Кириллъ прежде всего спрашиваетъ у императора, есть ли буквы у Мораванъ, и на ожидаемый, конечно, отрицательный отвѣтъ, высказываетъ свои сомнѣнія: «кто можетъ на водѣ бесѣду написати? или *еретическо имя* себѣ обрѣсти?» Онъ предугадывалъ, съ какимъ неудовольствіемъ будетъ принято подобное нововведеніе на западѣ, и не ошибся: при первомъ появленіи славянскаго богослуженія латинское духовенство возстало противъ неслыханнаго нововведенія и назвало его *ересью*. Религіозное одушевленіе одержало однакоже верхъ надъ грустнымъ раздумьемъ о послѣдствіяхъ рѣшительнаго шага, и Кириллъ согласился принять на себя трудную задачу. Прежде всего, конечно, нужно было позаботиться объ азбукѣ: дѣло было не легкое; но необыкновенная ученость Кирилла, его давнее и основательное знакомство съ славянскимъ языкомъ облегчили ему этотъ трудъ. Послѣ усердной молитвы къ Богу азбука была скоро изобрѣтена Кирилломъ и его немногими помощниками, послѣ чего немедленно начался переводъ Священнаго Писанія и богослужебныхъ книгъ на болгарскій языкъ, который въ то время, когда славянскія нарѣчія очень мало рознились другъ отъ друга, долженъ былъ быть совершенно понятенъ для Мораванъ. Первыя слова, которыя были написаны на славянскомъ языкѣ и славянскими буквами, были начальныя слова Евангелія Іоанна: «Искони бѣ Слово, и Слово бѣ отъ Бога, и Богъ бѣ Слово...» Считаемъ нелишнимъ напомнить нашимъ слушателямъ, что по совпаденію, конечно случайному, но тѣмъ не менѣе многознаме-

нательному, начало славянской письменности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и просвѣщенія, относится къ тому же 862 году, когда призваніе трехъ варяжскихъ князей положило основаніе и русскому, единственному самостоятельному славянскому государству. Кто пожелаетъ вникнуть во всю многознаменательность того явленія, что у народа еще дикаго и необразованнаго, такъ мало просвѣщеннаго свѣтомъ христіанства, появилась письменность, залогъ дальнѣйшихъ успѣховъ на поприщѣ образованности, тотъ пойметъ, какое великое значеніе имѣетъ 862 годъ для всего славянскаго міра. Современники вѣрно оцѣнили всю важность изобрѣтенія Кирилла: это неслыханное дѣло, по ихъ мнѣнію, могло явиться только непосредственно отъ Бога: «Богъ явилъ ему письмена», сообщаетъ намъ Житіе Кирилла. Черезъ нѣсколько лѣтъ по его смерти, одинъ славянскій ученый, монахъ Храбръ, съ нескрываемою гордостью указываетъ своимъ читателямъ на преимущества славянскаго племени надъ остальными: «Если спросить книжниковъ греческихъ, кто и когда изобрѣлъ имъ письмена, то рѣдкій изъ нихъ можетъ дать отвѣтъ, а если спросить книжника славянскаго, то онъ прямо отвѣтитъ, что дана Славянамъ грамота Кирилломъ и Меѳодіемъ при такихъ-то обстоятельствахъ и въ такое-то время» [7]). Самая важная часть дѣла была такимъ образомъ сдѣлана; и Кириллъ и Меѳодій, взявъ съ собою новопереведенныя славянскія книги и мощи св. Климента, приготовились къ своему дальнему путешествію. Прежде, чѣмъ мы однако послѣдуемъ за ними на этомъ пути, мы должны

остановиться на нѣсколько мгновеній на положеніи церковныхъ отношеній того времени.

Мы видѣли, что Ростиславъ и Мораване просили прислать имъ «*епископа* и учителя»; но византійское правительство какъ будто бы не обратило вниманія на первую часть фразы и прислало только учителей [8]). Кириллъ былъ только *священникомъ*, а его братъ, Меѳодій, хотя и носившій санъ игумена, не имѣлъ никакого сана въ духовной іерархіи [9]). Какая же причина этого страннаго поступка греческаго правительства? Конечно, не простая случайность дѣйствовала здѣсь, а особые разсчеты... Внимательное изученіе эпохи говоритъ намъ, что причина заключалась въ столкновеніи двухъ церквей, римской и греческой. Мы не имѣемъ возможности останавливаться на обозрѣніи причинъ, вызвавшихъ великое распаденіе христіанской церкви. Съ нашей стороны будетъ вполнѣ достаточно указать на то, что причина этой борьбы заключается въ издавней противоположности и враждѣ двухъ столицъ христіанскаго міра, Рима и Византіи. Борьба между ними велась издавна и получила особенно рѣзкій характеръ, когда римскимъ папамъ удалось возстановить Западную Римскую Имперію и соединить подъ своею духовною властью всѣ германскіе и романскіе народы Европы. Епископъ города Рима, этой бывшей столицы всего міра, получилъ по преданію отъ римскихъ императоровъ притязаніе на всемірное господство. Въ описываемое нами время на папскомъ престолѣ возсѣдалъ человѣкъ, весь проникнутый этою мыслью и обладавшій достаточною энергіею для при-

веденія ея въ исполненіе, Николай I, достойный стоять на ряду съ Григоріемъ Великимъ, Григоріемъ VII и Иннокентіемъ III. Низверженіе патріарха Игнатія константинопольскаго въ 858-мъ году и возведеніе на престолъ его Фотія доставили папѣ случай вмѣшаться въ дѣла восточнаго патріархата. Въ письмѣ своемъ отъ 15-го сентября 859 г., онъ высказалъ полное порицаніе совершившейся перемѣнѣ, а послы его, Родоальдъ и Захарія, представили требованія о возвращеніи Риму всей Иллиріи, Эпира и Ѳессаліи— области, на которыя изъявлялъ притязанія Римъ, основываясь на старинномъ политическомъ и іерархическомъ дѣленіи Западной и Восточной Имперіи. Хотя византійскому правительству и удалось склонить на свою сторону папскихъ пословъ, которые наравнѣ съ другими подписали рѣшеніе Константинопольскаго собора 861 года о низверженіи Игнатія, но Николай не призналъ законными рѣшенія этого собора, и еще въ половинѣ 862 года, по всей вѣроятности во время пребыванія въ Цареградѣ моравскаго посольства, прибыли его посланія, исполненныя упрековъ Фотію и требовавшія его низверженія. Съ этого времени начинается открытый разрывъ римскихъ и византійскихъ патріарховъ.

Если внимательно и безпристрастно всмотрѣться въ характеръ поведенія обѣихъ сторонъ во время этой борьбы двухъ церквей, особенно за первое время, то очень легко убѣдиться, что положеніе, принятое ими, было далеко не одинаковое. Римъ играетъ роль запальчиваго нападающаго, онъ вызываетъ Византію на бой, разсыпается въ самыхъ сильныхъ

угрозахъ, предъявляетъ непомѣрныя требованія; напротивъ, со стороны патріарха византійскаго мы замѣчаемъ только оборонительныя дѣйствія: онъ оправдывается, отмалчивается; старается осторожно щадить папу; однимъ словомъ, стремится къ примиренію и не желаетъ довести дѣло до окончательнаго разрыва. Причина этой осторожности вполнѣ понятна: Фотій видѣлъ, что на сторонѣ римскаго папы, покуда тотъ дѣйствовалъ лично противъ него, была извѣстнаго рода законность: Игнатій былъ сверженъ не вслѣдствіе какой-либо вины, а по личному произволу императора; за него стояло еще много людей, готовыхъ подать руку папѣ противъ новаго патріарха. Это заставляло Фотія дѣйствовать какъ можно умѣреннѣе и осторожнѣе. Только въ 867-мъ году, когда онъ почувствовалъ себя болѣе крѣпкимъ и когда папа своими происками въ Болгаріи, признавшей на время верховную власть Рима, возбудилъ противъ себя все греческое духовенство, когда, слѣдовательно, дѣло изъ чисто личнаго получило всеобщій интересъ, только тогда Фотій нашелъ возможнымъ принять рѣшительныя мѣры противъ Рима... Понятно теперь, почему требованіе моравскаго посольства о высылкѣ епископа не могло быть исполнено. Это значило бы дать папѣ новое орудіе въ руки, поводъ упрекать константинопольскаго патріарха въ честолюбивомъ намѣреніи вмѣшиваться въ дѣла западнаго патріархата, сдѣлать новый захватъ. Этого Фотій не хотѣлъ допустить: папа и такъ уже заявлялъ, по мнѣнію Рима законныя, права на весь западъ Балканскаго полуострова; необходимо было отстоять то,

что уже принадлежало прежде, а не давать поводъ къ новымъ распрямъ. Такова, по нашему мнѣнію, причина, вслѣдствіе которой Византія не рѣшилась исполнить просьбу моравскаго посольства въ полномъ ея объемѣ.

Замѣчаніе, сдѣланное нами, имѣетъ большое значеніе для правильнаго взгляда на исторію Кирилла и Меѳодія: св. братья отправились на западъ не офиціальными послами греческаго патріарха, а какъ частные люди. Этимъ соображеніемъ объясняется ихъ дальнѣйшее поведеніе: являясь въ Моравію, область подвѣдомую римскому патріархату, они должны были естественно стать подъ верховную власть папы и повиноваться его приказаніямъ. Многіе католическіе писатели старались доказать, что славянскіе первоучители удалились, или были удалены изъ Константинополя, вслѣдствіе ссоры съ Фотіемъ и по глубокому убѣжденію своему въ превосходствѣ Рима, и думали видѣть подтвержденіе своего мнѣнія именно въ позднѣйшемъ подчиненіи греческихъ миссіонеровъ римскому престолу... Мнѣніе это не основано ни на какихъ доказательствахъ и не можетъ быть принято человѣкомъ, безпристрастно относящимся къ предмету своего изслѣдованія.

Сдѣлавъ необходимое отступленіе для объясненія отношеній двухъ церквей того времени, мы можемъ снова обратиться къ Кириллу и Меѳодію. Прежде, чѣмъ они прибыли въ Моравію и приступили къ главной цѣли своего посольства, имъ пришлось остановиться на нѣкоторое время въ Болгаріи. Еще въ 861 году царь болгарскій, Борисъ, принялъ крещеніе изъ рукъ греческихъ проповѣд-

никовъ; но вопросъ о томъ, кто были эти проповѣдники, до сихъ поръ еще не рѣшенъ удовлетворительно. Мы не имѣемъ возможности вдаваться въ подробности и скажемъ только, что есть основаніе думать, что Меѳодій имѣлъ сильное вліяніе на это рѣшеніе болгарскаго царя [10]). Что касается до Кирилла, то о немъ мы можемъ сказать утвердительно, что если онъ и не участвовалъ въ обращеніи Бориса, то ему обязаны крещеніемъ до 5000 Болгаръ на берегахъ рѣки Брегальницы. Не можетъ также подлежать сомнѣнію, что на пути своемъ въ Моравію св. братья довольно долгое время оставались въ Болгаріи, сообщили Болгарамъ только что изобрѣтенную азбуку и оставили имъ переводъ нѣкоторыхъ книгъ Священнаго Писанія, тѣмъ болѣе, что самый переводъ былъ сдѣланъ на болгарское нарѣчіе. Въ послѣдствіи, по удаленіи ихъ въ Моравію, между Болгарами и Греками произошли сильныя несогласія, которыя подали даже Борису поводъ обратиться къ римскому папѣ съ просьбою о высылкѣ латинскаго духовенства. Впрочемъ, отпаденіе Болгаріи отъ византійскаго патріархата продолжалось недолго — она снова обратилась къ православному духовенству; но этотъ болгарскій церковный вопросъ имѣетъ важное значеніе, потому что онъ: 1) ускорилъ раздѣленіе двухъ церквей, а 2) желаніе папъ снова присоединить къ себѣ могущественнаго болгарскаго царя заставляло ихъ на нѣкоторое время, противъ своего убѣжденія, снисходительно смотрѣть на славянскую азбуку и дѣятельность Кирилла и Меѳодія...

Въ Моравіи давно желанное и ожиданное посоль-

ство было принято всѣмъ населеніемъ съ глубокимъ восторгомъ. Кириллъ и Меѳодій тотчасъ же принялись за тотъ трудъ, для котораго были призваны. Переводъ Священнаго Писанія и богослужебныхъ книгъ былъ доконченъ, основаны были школы для преподаванія славянской азбуки, въ которыхъ подготовлялось будущее *туземное* духовенство, чего особенно желалъ Ростиславъ. Устраивались церкви и монастыри; стѣны храмовъ огласились впервые славянскими звуками, и народъ, слыша службу и поученія на родномъ языкѣ, толпами стекался къ Кириллу и Меѳодію и принималъ отъ нихъ крещеніе. 4 — 5 лѣтъ ихъ совмѣстнаго пребыванія въ Моравіи гораздо болѣе убѣдили Морававъ въ превосходствѣ христіанства надъ язычествомъ, чѣмъ 50-лѣтнее господство чуждаго духовенства, которое еще за нѣсколько лѣтъ до славянской проповѣди должно было сознаться на одномъ изъ германскихъ соборовъ, что «до сихъ поръ еще грубо христіанство у Морававъ»... Вліяніе Кирилла и Меѳодія не ограничилось одними тѣсными предѣлами области Ростислава: сосѣднія славянскія племена уже въ это время начали испытывать на себѣ вліяніе проповѣди, шедшей на родномъ языкѣ и отъ роднаго народа.

Но какъ ни довольны были Моравяне и сосѣдніе Славяне своими новыми учителями, ихъ благотворная дѣятельность не обошлась безъ порицаній и хуленій. Главные враги ея были, конечно, прежніе латинскіе учители моравскаго народа. Латинское духовенство съ глубокимъ негодованіемъ смотрѣло на введеніе славянскаго языка въ богослуженіе, вообще на всѣ ново-

введенія заѣзжихъ Грековъ, которые дѣлали излишнимъ его пребываніе среди народа, языка котораго оно не понимало, и который теперь надѣялся скоро получить свое собственное духовенство. Тяжело было разставаться съ страною, которую латинскіе духовные уже считали своею, и они рѣшились на отчаянную борьбу. Они прежде всего обвинили славянскихъ первоучителей въ ереси: «На трехъ языкахъ, говорили они, греческомъ, латинскомъ и еврейскомъ, написалъ Пилатъ надпись на крестѣ Господнемъ, и только на этихъ трехъ языкахъ можно славить Бога, а славянское богослуженіе есть неслыханное нововведеніе...» Это такъ-называемая «триязычная» ересь. Съ такими порицаніями пришлось встрѣтиться только что родившейся славянской письменности. Но этимъ не ограничились нападки; причиною новыхъ нападеній былъ вопросъ, который давно занималъ богослововъ востока и запада. Сперва въ Испаніи, а потомъ мало-по-малу и во всей Германіи, появилось ученіе объ исхожденіи Св. Духа не только отъ Отца, но и отъ Сына. Послѣдователи этого ученія прибавляли къ никейскому Символу Вѣры, въ ученіи объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца, слово «и Сына», по-латыни *Filioque*. Римскіе папы долго не признавали законности этой прибавки, но не устояли въ этомъ. Въ описываемое нами время колебаніе Рима въ этомъ вопросѣ весьма замѣтно: напр. Іоаннъ VIII для виду поддерживалъ ученіе запада, но въ то же время самъ писалъ въ Константинополь, что онъ не признаетъ его законнымъ. Тѣмъ не менѣе германское духовенство въ Моравіи не задумалось обви-

нить Кирилла и Меѳодія въ греческой «ереси», потому что они читали и учили читать символъ безъ Filioque. Противники славянскихъ первоучителей не ограничивались тѣмъ, что возбуждали противъ нихъ ихъ собственную паству, они обратились съ жалобою въ самый Римъ. Николай I отвѣчалъ на это немедленнымъ вызовомъ св. братьевъ къ своему престолу. Кириллъ и Меѳодій, какъ уже было сказано, являясь на западъ, становились подъ власть папы и потому обязаны были повиноваться приказанію. Кромѣ того къ путешествію въ западную вселенскую столицу ихъ побуждалъ самъ князь Моравіи, Ростиславъ, который по прежнему стремился къ своей завѣтной цѣли—получить *своего*, независимаго отъ Нѣмцевъ, епископа, и теперь надѣялся добиться этого отъ Рима. Въ началѣ 867 г., взявъ съ собою мощи св. Климента, чтобы положить ихъ въ городѣ, епископомъ котораго святой былъ при жизни, Кириллъ и Меѳодій оставили Моравію, которую первому изъ нихъ не пришлось уже болѣе увидать. На пути имъ пришлось остановиться у Коцела, князя небольшой славянской области на берегу Блатенскаго озера (Балатонъ). Здѣсь произошло явленіе имѣющее для насъ большой интересъ, потому что оно ясно показываетъ намъ, какъ сильно было впечатлѣніе, произведенное на западныхъ Славянъ нововведеніями греческихъ проповѣдниковъ въ Моравіи. Коцелъ, равно какъ и отецъ его, Прибина, были данниками Германскаго королевства. Выведенные изъ ничтожества преимущественно зальцбургскими архіепископами, они постоянно опирались на ихъ покровитель-

ство, а тѣ съ своей стороны даже увеличивали блатенскія владѣнія съ цѣлью противопоставить своихъ подручниковъ независимому моравскому князю. Въ Блатенскомъ княжествѣ было множество латинскихъ священниковъ и церквей; здѣсь крѣпче, чѣмъ гдѣ-либо у Славянъ, казалось, укоренилась латинская обѣдня. Однако вѣсть о богослуженіи на родномъ языкѣ въ Моравіи произвела сильное волненіе даже въ Блатнѣ. Коцелъ началъ колебаться. Личное появленіе Кирилла и Меѳодія положило конецъ его сомнѣніямъ и колебаніямъ: онъ принялъ ихъ съ отверстыми объятіями и отдалъ 50 учениковъ, чтобы обучить ихъ славянской азбукѣ и приготовить для занятія священническихъ мѣстъ. Протопресвитеръ Рихбальдъ, намѣстникъ зальцбургскаго архіепископа, долженъ былъ удалиться въ свой Зальцбургъ и явиться туда съ горькою жалобою на измѣну славянскаго князя... Съ такимъ же восторгомъ принималось моравское посольство повсюду на своемъ пути между Славянами. За то, едва переступило оно итальянскую границу, какъ въ Венеціи Кириллу пришлось уже вступить въ состязаніе съ многочисленными итальянскими духовными, которые рѣзко обвиняли его въ ереси за неслыханное введеніе новаго языка въ богослуженіе и непринятіе Filioque. Ученому Кириллу, столь опытному въ веденіи богословскихъ споровъ, не трудно было побѣдить своихъ противниковъ, особенно въ столь ясномъ дѣлѣ. Кириллъ съ своей стороны бросилъ рѣзкій упрекъ латинскому духовенству за его небрежность къ потреб-

ностямъ своей славянской паствы и примѣнилъ къ нему извѣстное евангельское изреченіе: «глаголемъ также и къ вамъ: горе вамъ, книгчія (книжники), фарисіи лицемѣріи, яко затворяете царство небесное, вы бо не входите и хотящихъ внити не оставляете (т.-е. не пускаете)...»

Венеціанское столкновеніе не сулило ничего добраго славянскимъ проповѣдникамъ, но въ самомъ Римѣ ихъ ждалъ другой пріемъ. Упорный боецъ за свои убѣжденія, Николай I, скончался за мѣсяцъ до ихъ прибытія въ Римъ, и его мѣсто занялъ уступчивый Адріанъ II. Узнавъ о приближеніи моравскаго посольства съ мощами св. Климента, онъ вышелъ къ нему на встрѣчу и принялъ торжественно. Римская политика того времени объясняется очень легко: Болгарія именно въ это время колебалась между Римомъ и Греціею; запрещеніе славянскаго богослуженія, въ ней принятаго, могло оттолкнуть ее и тѣснѣе привязать къ Византіи. Кромѣ того, было опасно отказать сильному моравскому князю, который показалъ уже свою энергію въ побѣдоносной борьбѣ съ Германскимъ королевствомъ и свою рѣшимость отправленіемъ посольства въ далекій Цареградъ: дальнѣйшее упорство со стороны Рима могло имѣть послѣдствіемъ отпаденіе и Болгаріи, и Моравіи. Эти побужденія заставили Адріана уступить, вопреки требованіямъ большинства его окружающихъ. Въ торжественномъ богослуженіи посвятилъ онъ Меѳодія и нѣкоторыхъ другихъ Славянъ въ священники, положилъ на алтарь славянскій переводъ Священнаго Писанія и въ оффиціальномъ письмѣ къ

славянскимъ князьямъ выразилъ полное одобреніе новаго дѣла, начатаго св. братьями. Нѣтъ сомнѣнія, что личное вліяніе Кирилла должно было имѣть значительное участіе на это рѣшеніе. Мы уже указывали на то обаяніе, которое производилъ онъ на всѣхъ своихъ современниковъ. Такое же чувство, которое онъ возбуждалъ между Греками, произвелъ онъ и въ Римлянахъ, которые справедливо изумлялись его громаднымъ познаніямъ, его способностямъ, наконецъ, глубокому благочестію. Мы уже приво дили отзывъ Анастасія Библіотекаря объ «этомъ мужѣ величайшаго ума и святости». Ему предлагали принять епископскій санъ, но смиренный Кириллъ отказался во второй разъ отъ той почести, отъ которой уже разъ уклонился на своей родинѣ.

Пребываніе св. братьевъ въ Римѣ продолжилось особенно потому, что именно въ это время ихъ покровитель, Ростиславъ, долженъ былъ выдерживать отчаянную, предсмертную борьбу свою съ Нѣмцами, такъ что возвратиться въ Моравію имъ было невозможно. Между тѣмъ Кириллъ почувствовалъ приближеніе смерти: исполненная трудовъ жизнь рано истощила его силы. За 50 дней до смерти онъ постригся въ монахи и здѣсь только получилъ то имя Кирилла, подъ которымъ сталъ извѣстенъ потомству. 14-го февраля 869 г. скончался въ Римѣ великій подвижникъ на поприщѣ славянскаго просвѣщенія, окруженный своими учениками. Послѣдняя мысль его носилась въ далекой Моравіи и выразилась въ простыхъ, но глубоко прочувствованныхъ словахъ: «Мы были съ тобою, какъ два вола, тянущіе одну бо-

розду — и вотъ я падаю на межѣ, окончивъ свой путь. Ты, братъ, я знаю, любишь свой монастырь, но не покидай ради монастыря свое стадо и свое призваніе». Такова была предсмертная воля Кирилла, высказанная имъ Меѳодію... Блестящими похоронами съ папскимъ церемоніяломъ почтили Римляне скончавшагося святаго — и уже очень скоро по его смерти пошла молва о чудесахъ, совершавшихся надъ его гробомъ...

Такимъ образомъ Меѳодію приходилось теперь одному доканчивать тяжелый путь, начатый вдвоемъ. Первою мыслью его было возвратиться на родину, но предсмертное завѣщаніе любимаго брата удержало первый порывъ. Прибывшее въ это время посольство отъ Коцела рѣшило его судьбу. Коцелъ просилъ папу посвятить ему Меѳодія въ епископы. Адріанъ долженъ былъ согласиться на эту просьбу и посвятилъ Меѳодія въ епископы Панноніи. Вскорѣ ему пришлось принять на себя и санъ архіепископа моравскаго. Теперь, казалось бы, съ особеннымъ успѣхомъ и совершенно безпрепятственно должно было продолжаться предпріятіе, начатое съ такимъ успѣхомъ, удостоенное торжественнаго одобренія со стороны Рима. На дѣлѣ было не такъ... Время не позволяетъ намъ съ такою же подробностью прослѣдить дѣятельность Меѳодія, какъ мы это сдѣлали съ Кирилломъ; мы принуждены ограничиться однимъ только краткимъ и общимъ очеркомъ.

Много горя, много бѣдствій и преслѣдованій долженъ былъ вынести Меѳодій во время своего слишкомъ 20-лѣтняго управленія моравскою епархіею.

Кириллъ умеръ вовремя для себя, его брату пришлось самому сдѣлаться центромъ вѣроисповѣдной и народной борьбы. Едва явившись въ Паннонію, онъ былъ захваченъ негодовавшими на него Нѣмцами-епископами (слабый Коцелъ не могъ защитить его) и отправленъ въ заточеніе въ Швабскую темницу. Только черезъ три года былъ онъ выпущенъ по настоятельному приказанію папы Іоанна VIII, который, будучи глубоко оскорбленъ вмѣшательствомъ нѣмецкихъ епископовъ въ папскія распоряженія, только угрозами проклятія могъ заставить ихъ повиноваться своей волѣ. Именно въ это же время окончилась новая война Моравaнъ съ Нѣмцами, выгодно для первыхъ, и Меѳодій былъ вызванъ въ столицу Моравіи, Велеградъ, который сдѣлался его мѣстопребываніемъ. Его положеніе отъ этого однако не много улучшилось. Покровитель славянской письменности и богослуженія, Ростиславъ, въ это время уже умеръ, свергнутый, благодаря измѣнѣ роднаго племянника, Святополка, съ престола, лишенный зрѣнія и заключенный также въ нѣмецкую темницу. Хотя Святополкъ очень скоро принужденъ былъ силою обстоятельствъ пойти по слѣдамъ своего великаго дяди; хотя онъ не только снова доставилъ свободу своимъ соотечественникамъ, подпавшимъ на время подъ нѣмецкое иго, но даже возвысилъ Велико-Моравское государство до такой степени могущества и славы, какой оно никогда не достигало: несмотря на все это, онъ всю свою жизнь находился подъ вліяніемъ чужеземцевъ и мало цѣнилъ свое, родное. Постоянно вмѣшиваясь въ дѣла Гер-

манскаго королевства, онъ невольно втягивался въ его интересы и подчинялся его духовному влiянiю. При немъ появилось въ Моравiи нѣмецкое наемное войско, возвратились латинскiе священники, при дворѣ образовалась цѣлая аристократическая партiя, враждебная Меѳодiю и дѣлу славянскаго богослуженiя. Во главѣ этой партiи сталъ епископъ города Нитры, Вихингъ, хотя и назначенный въ помощники къ Меѳодiю, но всячески интриговавшiй противъ него. Всѣ мѣры были употреблены для достиженiя цѣли. Святополку внушали объ опасности самостоятельнаго поведенiя архiепископа, о его строгости, не нравившейся роскошному двору, его нововведенiяхъ, а въ Римъ безпрестанно сыпались доносы на его еретическое греческое ученiе... Что касается до самого Рима, то онъ по обыкновенiю своему придерживался уклончивой политики: покуда была надежда на Болгарiю, онъ дѣйствовалъ нерѣшительно и устами своихъ папъ то высказывалъ полное одобренiе славянскому богослуженiю, то вдругъ заявлялъ, забывая свои прежнiя рѣшенiя, удивленiе по поводу того, что Меѳодiй осмѣливается служить на «варварскомъ» (подлинныя слова [11]) языкѣ и вызывалъ его на судъ. Одинъ папа отмѣнялъ постановленiя другаго и не останавливался на противорѣчiи въ собственномъ поведенiи... Несмотря на всѣ эти затрудненiя, Меѳодiй не унывалъ и дѣятельно продолжалъ свою благотворную работу. Свѣтъ христiанства, соединеннаго съ славянскимъ богослуженiемъ, распространился при его жизни, благодаря его трудамъ, далеко между племенами, окружавшими Моравiю.

Чехи, объ обращеніи которыхъ долго и напрасно хлопотало иноземное духовенство, начали просвѣщаться христіанствомъ, когда около 875 года ихъ князь Боривой съ женою своею, Людмилою, принялъ крещеніе изъ рукъ моравскаго архіепископа. Около того же времени принялъ крещеніе и польскій князь Краковской области, имени котораго не сохранило намъ преданіе. Ученики Меѳодія просвѣтили также и Силезію и лужицкихъ Сербовъ, къ которымъ начатки христіанской проповѣди были занесены еще, можетъ быть, при жизни Кирилла. Въ ихъ области, въ Саксоніи, въ мѣстечкѣ Хайнвальдѣ (Hainwald), съ незапамятныхъ временъ стоитъ на Яворницкой горѣ крестъ, къ которому до сихъ поръ стекаются многочисленные поклонники: этотъ крестъ, говоритъ преданіе, сооруженъ Кирилломъ и Меѳодіемъ, когда они явились въ Лужицы съ христіанскою проповѣдью [12]). И на политическомъ поприщѣ потрудился Меѳодій для своей страны: когда въ придунайскихъ странахъ явились впервые дикія венгерскія орды, благочестивый епископъ безбоязненно посѣтилъ ихъ короля и, ласково принятый имъ, можетъ быть навремя остановилъ набѣги Венгровъ на Моравію.

А между тѣмъ борьба партій въ Моравіи достигла своей крайней степени. Около 884 года Меѳодій, вынуждаемый обстоятельствами, подкрѣпивъ себя поѣздкой къ византійскому императору, долженъ былъ предпринять рѣшительную мѣру противъ своихъ враговъ: онъ предалъ анаѳемѣ Вихинга и самого моравскаго князя Святополка. Антиславянская партія

забила тревогу. Вихингъ поспѣшилъ въ Римъ и тамъ выхлопоталъ, наконецъ, давно желанную папскую буллу, которая окончательно и рѣшительно запрещала славянское богослуженіе и объявляла, что проклятіе должно пасть на голову того, который произнесъ его. Торжествующій епископъ Нитры спѣшилъ въ Моравію съ залогомъ своей побѣды въ рукахъ, но ему не удалось уже застать въ живыхъ своего соперника: 6-го апрѣля 885 года скончался архіепископъ Моравіи, Меѳодій, избавленный судьбою отъ несчастія видѣть разрушеніе собственнаго дѣла.... Папская булла не осталась однакоже безъ дѣйствія: не удалось расправиться съ главою славянской партіи, оставались его ученики. Не желавшіе подчиниться папскому рѣшенію, они подверглись сильному гоненію, и наконецъ, главные изъ нихъ, между которыми особенно выдавались Болгаринъ *Климентъ* и Мораванинъ *Горуздъ,* котораго Меѳодій прочилъ себѣ въ преемники, должны были удалиться изъ Моравіи. Они нашли себѣ радушный пріемъ въ Болгаріи и много содѣйствовали развитію славянской письменности, которая достигла блестящаго развитія при одномъ изъ преемниковъ Бориса, Симеонѣ, а черезъ сто лѣтъ по смерти Меѳодія, съ крещеніемъ Руси, перешла и на нашу родину...

Такимъ образомъ дѣло славянскихъ первоучителей особенно успѣшно развилось не въ тѣхъ странахъ, которымъ они посвятили бо́льшую и труднѣйшую часть своей дѣятельности. Въ то время, когда на югѣ и востокѣ славянская письменность распространялась все болѣе и болѣе, на западѣ она под-

верглась гоненію. Моравія пала подъ ударами Мадьяръ, а Чехія все сильнѣе и сильнѣе подчинялась католическому вліянію. Папы постоянно и упорно запрещали сла́вянское богослуженіе и отвѣчали рѣзкимъ отказомъ на всѣ просьбы о его возстановленіи, какъ напримѣръ Григорій VII на просьбу чешскаго князя Вратислава. Самая память Кирилла и Меѳодія подвергалась порицаніямъ и позору: въ XII вѣкѣ Сплитскій соборъ торжественно провозгласилъ Меѳодія еретикомъ...

И тѣмъ не менѣе, несмотря на всѣ усилія католическаго духовенства, славянское богослуженіе очень долго еще держалось въ различныхъ монастыряхъ Чехіи, Венгріи и Польши. Только въ XII вѣкѣ, съ закрытіемъ *Сазавскаго* монастыря, замолкли звуки родной молитвы въ чешскихъ церквахъ. Съ этого времени окатоличеніе идетъ быстрыми шагами. Одинъ изъ чешскихъ историковъ XIV вѣка, Далимилъ, въ своей чешской хроникѣ, писанной стихами, говоря о крещеніи Боривоя, выражается о Меѳодіи такими словами:

Ten arcibiscup Rusin bieše,
Mšu swu slowansky služieše

т.-е. «этотъ архіепископъ былъ Русскій, свою обѣдню онъ служилъ по-славянски» [13]). Слѣдовательно для Славянина того времени славянское богослуженіе казалось такимъ необычнымъ исключеніемъ на западѣ, что человѣкъ служившій по-славянски не могъ, по его мнѣнію, быть никѣмъ инымъ, какъ русскимъ.

Замолкли, такимъ образомъ, и славянскіе звуки въ западныхъ церквахъ, но не угасла за то живая

память о дорогихъ просвѣтителяхъ и наставникахъ въ сердцахъ народа: въ эпохи особаго народнаго возбужденія она поднималась всегда съ новою силою. Въ XIV вѣкѣ это воспоминаніе стало такъ сильно, что римскіе папы, хотя и въ видѣ исключенія, должны были дозволить службу на славянскомъ языкѣ въ нѣкоторыхъ монастыряхъ Чехіи и Польши, какъ напримѣръ въ Эммаусскомъ въ Прагѣ и Св. Креста на Клепаржѣ въ Краковѣ. Въ 1380 году римская церковь, та самая, которая за 200 лѣтъ провозглашала Меѳодія злымъ еретикомъ, торжественно причислила его и Кирилла къ лику своихъ святыхъ... Въ настоящее время всѣ славянскіе народы безъ исключенія, католики и православные, даже протестанты-Лужичане, одинаково относятся съ благоговѣйнымъ уваженіемъ къ памяти Кирилла и Меѳодія, первоучителей и апостоловъ славянскаго міра.

Здѣсь мы оканчиваемъ нашъ краткій историческій очеркъ жизни и памяти св. братьевъ. Говорить послѣ всего сказаннаго о всей важности ихъ дѣятельности для насъ и другихъ Славянъ, которые во многихъ отношеніяхъ обязаны имъ своею вѣрою, своимъ просвѣщеніемъ и народностью, было бы совершенно излишне: дѣло говоритъ само за себя. Мы позволимъ себѣ обратить вниманіе нашихъ слушателей на одинъ только фактъ, который легко можетъ ускользнуть отъ неопытнаго взгляда. Всѣ тѣ славянскіе народы, которыхъ коснулась проповѣдь Кирилла и Меѳодія, принимали христіанство охотно, безъ насилія, не отстаивая своего язычества. Здѣсь не съ мечомъ въ рукахъ проповѣдывали хри-

стіанскія истины, и славянскіе народы эти избавились такимъ образомъ отъ неравной борьбы и сохранили неприкосновенною свою народность. Одно только славянское племя не слыхало никогда роднаго богослуженія, до него не доходили миссіонеры разосланные Кирилломъ и Меѳодіемъ: то было племя полабскихъ Славянъ. Послѣдствія были такія же, какъ и тѣ, на которыя мы указали въ началѣ нашей рѣчи: тѣ же сожженные и разрушенные монастыри и епископства, тѣ же избитые и замученные монахи, та же непрерывная война, въ продолженіе многихъ вѣковъ разорявшая эти несчастныя страны.... Въ настоящее время напрасно бы сталъ любознательный изслѣдователь разыскивать хотя бы остатки этого когда-то мощнаго племени: все оно или погибло, или потеряло свою народность. Плодоносныя и богатыя мѣстности по Эльбѣ и Одеру, нѣкогда славянскія, теперь заняты густымъ населеніемъ германскаго племени.

П. Мельгуновъ.

[1]) Средневѣковой текстъ этой молитвы (по рукописи XIV—XV вѣка) можно прочесть въ извѣстномъ изданіи историческихъ памятниковъ Польши Бѣлёвскаго (Monumenta Poloniae Historica Wydał August Bielowski. Tom I, стр. 89).

[2]) *Erben*, Regesta Bohemiae, № 12.

[3]) Jahrbücher des Deutschen Reichs unter Heinrich II von S. *Hirsch*. Berl. 1862. B. I, S. 31—32.

[4]) На то обстоятельство, что Мораване обращались съ своею просьбою сперва къ Риму и не получили отъ него отвѣта, до сихъ поръ, насколько намъ извѣстно, не обращали должнаго вниманія. Фактъ этотъ прямо заявленъ самимъ Римомъ въ извѣстномъ посланіи Адріана славянскимъ князьямъ. См. Паннонское Житіе Меѳодія въ Сборникѣ О. М. Бодянскаго («Чтенія общ. исторіи и древностей Россійскихъ»), стр. 6.

[5]) Вопросъ о народности, къ которой принадлежали наши первоучители, до сихъ поръ еще не рѣшенъ окончательно. Такъ какъ многіе стоятъ за ихъ славянское происхожденіе, то мы считаемъ не лишнимъ привести здѣсь слѣдующія доказательства въ пользу принадлежности Кирилла и Меѳодія къ греческой націи:

1) Похвальное Слово Кириллу и Меѳодію выражается о нихъ слѣдующимъ образомъ: «прѣсельника бо быста ѿчьства своего и пришьльца на землю *тоужю, законъ же* ѿ Бг҃а *примъша не своему племени... нъ азы-*

коу, иже не разоумѣша десницѧ своеѧ» (по издан. О. М. Бодянскаго стр. 4). Очевидно, что по этому свидѣтельству Кириллъ и Меѳодій не Славяне, а Греки. Можно бы было объяснить это мѣсто такимъ образомъ, что Кириллъ и Меѳодій были Славяне *болгарскіе,* а «законъ отъ Бога приняли» для *Моравaнъ*, слѣдовательно «не для своего племени»; но такое объясненіе слишкомъ натянуто и не выдерживаетъ критики. Дѣйствительно, о Моравaнахъ, давно уже принявшихъ христіанство, авторъ Похвальнаго Слова никакъ не могъ бы выразиться какъ о народѣ не разумѣющемъ десницы и шуйцы, особенно въ сравненіи съ Болгарами, принявшими крещеніе гораздо позднѣе. Очевидно, такимъ образомъ, что здѣсь Славяне противополагаются Грекамъ.

2) Другое доказательство заключается въ извѣстныхъ словахъ византійскаго императора къ св. братьямъ: *«вы бо ѥста Селоунѧнина, до Селоунѧне вьси чисто словѣньски бесѣдуютъ»* (Житіе Меѳодія, стр. 5). Еслибы Кириллъ и Меѳодій были Славяне, императоръ просто сказалъ бы имъ: «вы Славяне, слѣдовательно хорошо знаете славянскій языкъ», а не прибѣгнулъ бы къ такой фразѣ, смыслъ которой не можетъ быть понятъ иначе какъ: «вы Солуняне, а жители Солуни, хотя и Греки, но издавна окруженные Славянами, хорошо знаютъ ихъ языкъ».

3) Авторъ Житія Меѳодія разсуждаетъ, что Меѳодій былъ назначенъ «княземъ» славянскимъ по особому усмотрѣнію Божію, *«дабы проучилъ сѧ вьсѣмъ обычаямъ словѣньскымъ»* и *«обыклъ ѩ помалоу»* (стр. 4). Очевидно, что для Славянина было бы совершенно лишнимъ обучаться славянскимъ обычаямъ и притомъ еще *«помалоу»*.

4) Сюда можно присоединить также собственныя слова Кирилла о своемъ родѣ, въ отвѣтъ на вопросъ кагана хозарскаго: «дѣдъ имѣхъ велiи и славенъ зѣло, *иже и близъ царѧ стояше,* и даноую емоу славоу волею отвергъ, и изгнанъ бы, и на *странноую* (т.-е. чужую, полуславянскую) землю доше, ѡбница и ту мѧ роди» и т. д. (Житiе Кирилла, стр. 235). Очевидно, что Кириллъ самъ смотрѣлъ на себя, какъ на Грека, знатный родъ котораго издавна жилъ при византiйскомъ дворѣ и только въ послѣдствiи переселился на чуждую землю. Это наиболѣе достовѣрныя доказательства. Можно бы было привести еще выраженiе Зальцбургскаго Неизвѣстнаго (Anonymi Salisburgensis de Conversione Carantanorum apud Kopitar, Glagolita Clozianus. Vind. 1834, p. LXXV): «quidam *Graecus* Methodius», еслибы можно было ручаться за истинный смыслъ этого выраженiя. По всей вѣроятности анонимъ даже не зналъ народности Меѳодiя, а употребилъ выраженiе «Graecus», какъ общее для всѣхъ подданныхъ греческаго императора.

[6]) Годъ опредѣляется «Словомъ на пренесенiе мощемъ преславнаго Климента», написаннымъ по всей вѣроятности самимъ Кирилломъ. (Помѣщено въ Кирилло-Меѳодiевскомъ сборникѣ, издан. подъ редакцiею М. П. Погодина. Моск. 1865, стр. 319.)

[7]) Калайдовича, Iоаннъ екзархъ Болгарскiй, М. 1824, стр. 191.

[8]) На это обстоятельство до сихъ поръ еще не обращено должнаго вниманiя.

[9]) Здѣсь нелишнимъ будетъ замѣтить, что Кириллъ и умеръ священникомъ, вопреки довольно распространенному убѣжденiю, особенно у католическихъ писателей, о томъ, что онъ былъ посвященъ въ Римѣ въ епископы. Убѣжденiе это проникло и въ нѣкоторыя

русскія популярныя изданія (напр. въ иллюстрированное изданіе Ширяева). Оно основано на показаніи латинскаго житія Кирилла (Vita cum translatione Clementis), но это показаніе совершенно противорѣчитъ свидѣтельству лучшаго нашего источника, Паннонскаго Житія.

[10]) Объ участіи Меѳодія въ крещеніи Бориса упоминаютъ только позднѣйшіе источники, тогда какъ Житія Паннонскія совершенно молчатъ объ этомъ предметѣ. Это молчаніе могло бы имѣть рѣшительное значеніе, еслибы съ другой стороны у насъ не было свидѣтельства, хотя и довольно неяснаго, греческаго житія Климента (Βίος Κλήμεντος; Edidit Miklosich. V. 1847) о близкихъ сношеніяхъ Бориса и Меѳодія. Самый годъ крещенія Бориса подвергается сомнѣніямъ. Изъ ученыхъ изслѣдованій объ этомъ предметѣ лучшее О. М. Бодянскаго (въ сочиненіи «О времени происхожденія славянскихъ письменъ», М. 1855). Можно указать также на сочиненія: П. А. Лавровскаго «Кириллъ и Меѳодій, какъ православные проповѣдники у западныхъ Славянъ.» Харьк. 1863 и I. Hergenröther'a Photius, Patriarch v. Constantinopel. Regensb. 1867, во 2 томѣ.

[11]) Epistola Johannis VIII ad Methodium an. 879 (Ginzel, S. 58).

[12]) Bogusławskiego, Rys dziejów Serbo-Luzyckich. Petersb. 1861, стр. 45.

[13]) Dalimiliva Chronika Česká z nejdavnejší čteni navrácena od Václava Hanky. Ot. druhý. 1851, стр. 42.

